

Под Лавандовой Луной

Кристина Мэй Фон

Голоса жемчужин

Кристина Мэй Фон
Под Лавандовой Луной

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Мэй Фон К.

Под Лавандовой Луной / К. Мэй Фон — «Эксмо»,
2020 — (Голоса жемчужин)

ISBN 978-5-04-210209-7

Шестнадцатилетняя Рилла мечтает стать целительницей. Зачем еще Небеса даровали ей голос, способный исцелить любую болезнь? Но если во дворце узнают о ее силе, она будет выбрана для участия в ежегодном состязании, где одаренные девушки соревнуются за шанс стать частью императорского дворца. Это последнее, чего бы ей хотелось, поэтому Рилла скрывает свою силу. Однако, когда ее тетя пострадала от яда, девушке пришлось прибегнуть к способности исцелять. Так она стала участницей соревнований, но быстро поняла, что победить в них невозможно. Вместе с обаятельным принцем и его таинственным телохранителем Рилла должна найти способ сбежать. Если ей это не удастся, она проведет остаток своей жизни, даруя вечную молодость императору и его жене.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-210209-7

© Мэй Фон К., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кристина Мэй Фон

Под Лавандовой Луной

Моей бабушке Элис Сюэ Мэй Ли.

Надеюсь, твое благословение будет со мной до самого конца.

И моему дедушке Теодору Ю Си Ли.

*История ваших жизней рассказывает об американской мечте
и о взаимодействии двух культур: азиатской и американской.*

Без вас не было бы меня.

Christina Mai Fong

Under the Lavender Moon

Copyright © 2024 Christina Mai Fong. All rights reserved.

© Смирнова Д.О., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Я быстро шла вдоль пляжа в сторону дома. Икроножную мышцу свело от перенапряжения, и я поморщилась. Пять миль до порта и обратно, и так каждый день. Привыкну ли я когда-нибудь? Что ж, по крайней мере, невестке, которая на восьмом месяце беременности, не придется проделывать этот путь самой. Хвала Старому Дедушке Небу, она все-таки послушалась меня и позволила подменить ее на рыбном рынке.

От этих мыслей отвлек гул голосов со стороны моря – деревенские девушки со своими мамами собрались на пляже. При виде их по телу прошла дрожь.

Рилла, у тебя сильный голос, и потому он опасен.

Предупреждение мамы прозвучало в голове. Наступила та самая пора. Дворцовые разведчицы наверняка уже прибыли в деревню. Но почему я совершенно не заметила, чтобы их встречали?

Я продолжала идти к толпе на главном пляже. Кто-нибудь наверняка объяснит мне, что происходит.

Несколько юных дев улеглись на песочке, расстелив полотенца и спрятавшись под зонтиками пастельных цветов. На них были черные вязаные купальники, которые закрывают бедра, но плотно облегают тело, выгодно подчеркивая соблазнительные изгибы, а стоявшие позади девушек мамы варились в предвечерней жаре. Ретивые мамочки надели черно-белые кипы – парадные длинные обтягивающие платья. Высокие воротники-стойки туго обхватывали шею. Не представляю, как носить такую одежду в жару. Однако мамочки вытирали капли пота с обгоревших лиц и даже не пытались прикрыться от жарких лучей. Вместо этого они поправляли зонтики, чтобы их драгоценные дочери были полностью в тени и ничто не угрожало их нежной матово-белой коже.

Издаലെка взволнованная болтовня мамочек напоминала кудахтанье и квохтанье недовольных куриц.

– Если разведчицы увидят, какой магией владеет моя дочь, она однозначно получит место на состязании, – говорила одна мамаша. Она толкнула дочку в плечо. – Милая, покажи этим тетушкам, на что ты способна.

Стройная девушка закатила свои узкие золотистые глаза, испустив при этом вздох, полный муки, однако перекатилась на колени и села на пятки. Потом наклонилась вперед и принялась чертить пальцем по песку. То, что она нарисовала, медленно поднялось вверх. Яркие лучи хлынули из пальцев девушки, раскрасив ее творение, и цветные лунные бабочки взлетели вверх, чуть помедлили и упорхнули к небу.

Другая мамаша ухмыльнулась.

– Какой забавный тин-чай. Может, он откроет тебе двери во дворец, но уж точно не в императорский гарем. Чтобы стать возлюбленной файлой императора, нужно владеть искусством обольщения.

Она дернула за руку свою высокую фигуристую дочку, чтобы та встала. Я узнала ее – Галай Креста. Мы не виделись уже несколько месяцев, с тех пор как нам обоим исполнилось шестнадцать и мы больше не ходили в школу.

Галай прикрыла свою пышную грудь, но мать развела ей руки в стороны.

– Прекрати. Ты должна гордиться своей фигурой.

Моя мама, будь она жива, никогда бы не стала похвастаться моими прелестями перед всей деревней. Мне стало неприятно от одной только мысли, какой униженной, должно быть, себя чувствовала Галай.

Мать сдвинула бретели ее топа, чтобы они упали с округлых плеч.

– Покажи этим тетушкам свой водный танец и не забывай улыбаться.

Она подтолкнула дочку в сторону моря. Скорчив недовольную гримасу, Галай принялась завязывать в пучок свои каштановые волосы. Потом она нырнула в воду и принялась кружить в воде. Ее соблазнительное тело двигалось в унисон с волнами, когда она танцевала и плескалась, точно дофай.

Я ждала, пока Галай вернется на пляж. Она заметила меня, и я помахала ей. Галай неуверенно оглянулась на свою мать, поглощенную разговором с другими женщинами, и только затем подошла ко мне.

– Разведчицы из дворца скоро будут у нас? – спросила я.

– Я не могу долго разговаривать с тобой, – ответила она. – Но если верить слухам, отборочные испытания для Состязания Файл начнутся завтра.

– Завтра? Но обычно об этом оповещают за неделю.

– В этом году разведчицы прибыли без предупреждения. Одна из местных тетушек кое-что узнала от своей родственницы, которая присматривает за девушками во дворце.

Придется заранее убраться подальше от главного пляжа, пока не начались испытания.

– Тебе стоит попробовать в этом году, – сказала Галай. – Шестнадцать – хороший возраст, чтобы тебя выбрали жемчужинкой. Все говорят, какие у тебя изумительные большие глаза. Я жизнь отдать готова за твои густые ресницы. И я бы очень хотела, чтобы у меня была твоя стройная фигурка. У тебя есть формы, но ты не толстая, как я.

– Ты не толстая, – возразила я. – Ты просто выше и пышнее. А еще у тебя есть тин-чай. А у меня нет. Разведчицы редко выбирают девочек без тин-чай.

– В гареме императора есть конг-файлы, – ответила Галай. – У него даже есть файлы не из шьян, их привозят из дальних королевств. К тому же все девушки, не прошедшие состязание, остаются служить как песчинки. Получают месячное содержание минимум пятьсот серанов. Мои мама с папой столько за год не заработают.

Я перебирала кончики своих длинных черных волос. Мне не интересны никакие предложения императора, если они подразумевают, что мне придется уехать из дома и отказаться от мечты стать целительницей.

– Не думаю, что я рождена для дворцовой жизни. Я бы очень сильно скучала по семье.

Галай оглянулась посмотреть, чем занята ее матушка.

– Честно говоря, я тоже. – Она понизила голос. – Только не говори никому, но я всегда хотела выйти замуж по любви. Конечно, Его Величество красив и богат, и я уверена, что смогла бы в него влюбиться. Но что, если я ему не понравлюсь? Что, если стану всего лишь прислужницей, песчинкой и никогда не узнаю вкус поцелуя? Или еще хуже: что, если я стану файлой, а Его Величество никогда не придет в мою спальню?

Я переминалась с ноги на ногу, чувствуя, как стопы утопают в мягком песке.

– Разве такое может быть? Если император выбирает тебя для своего гарема, это значит, что ты ему понравилась. Он не сможет просто так забыть тебя.

Ведь не сможет?

– Я поступаю эгоистично, когда думаю так. – Галай разгладила свой купальный костюм. – Даже если меня просто выберут как жемчужинку для состязания, это уже великая честь. Неважно, буду ли я прислуживать в качестве песчинки или стану элитной файлой, я принесу своей семье богатство и славу и верну родителям дочерний долг. Это главное.

Айрика Тайдерс, моя соседка, подошла к Галай сзади. Свои светло-каштановые волосы она перебросила через костлявое бледное плечо.

– Зачем ты тратишь время на разговоры с этой?

Я сдержалась и промолчала. Айрика – мой кошмар и вечная мука. Почему она меня ненавидит?

Острый взгляд Айрики как будто пронзал кожу. Она усмехнулась.

– Мои мама и папа сказали, что пусть ты даже самая хорошенькая девушка в деревне, ты всегда будешь никчемной, потому что ты конг и в твоей крови нет ни капли магии.

Как бы мне хотелось стереть самодовольную ухмылку с лица Айрики! Если бы я только могла пропеть хотя бы один куплет. Доказать ей, что я не конг.

Но у меня в голове снова прозвучало предупреждение матери: «У тебя сильный голос, и потому он опасен».

Сейчас Айрика ничего мне не сделает, но, как только ее маменька отойдет куда-нибудь, она сразу же натравит на меня других девушек. В прошлый раз они навалились на меня и остригли волосы.

Айрика взяла Галай за руку.

– Идем. Посмотришь мое выступление. Я хочу, чтобы разведчицы пришли в полный восторг.

Галай бросила на меня извиняющийся взгляд, но ей никогда не хватало смелости противостоять Айрике.

Айрика запела. Я невольно закрыла руками уши, чтобы поберечь барабанные перепонки.

*Сейчас я мечтаю о чести и славе,
А завтра весь мир мое имя узнает.*

Айрика исполняла гимн файл, «Прославленную». Море затанцевало в такт песне. Струи воды вздымались вверх и выгибались дугами, очень эффектное зрелище. Айрика перестала петь, и зависшая в воздухе вода рухнула вниз. Со стороны зрительниц раздались аплодисменты и восхищенные возгласы.

Пока Айрика не начала второй куплет, я быстро пошла прочь, протискиваясь сквозь толпу. Я укрощала пламя гнева и зависти, полыхавшее в груди. Зависть. Как можно завидовать кому-то настолько зловредному, как Айрика? И тем не менее я завидовала. Она могла сколько угодно демонстрировать свой тин-чай, не опасаясь последствий.

А я тем временем должна вести себя скромно и незаметно. Мама твердила, что мне не стоит использовать свой тин-чай. Я знала, что она так говорила, еще и чтобы уберечь меня от разведчиц, но она всегда добавляла, что даже когда мне исполнится восемнадцать и на состязания меня уже не возьмут, даже тогда мне не стоит никому показывать свой тин-чай. Девочка никогда не сможет стать целителем или врачом. Меня просто изгонят.

«Выбрось из головы эту глупую мечту, – говорила мама. – Да, ты хочешь помогать людям, но они этого не оценят. Тебя будут только ругать. Жить спокойной жизнью можно, только если делать то, чего от тебя ожидают. То есть выйти замуж за хорошего деревенского парня. Но ни один мужчина не захочет быть с тобой, если твои амбиции будут сильнее его собственных».

Что бы она ни говорила, я твердо решила стать целительницей. Будут презирать? Мне все равно. Используя свой тин-чай, я могу сделать столько хорошего. Если ни один мужчина не способен с этим смириться, то я просто никогда не выйду замуж.

Я шла дальше по знакомой, усыпанной галькой дорожке, по обе стороны которой небольшими группками росли дикие лиловые цветы. Она привела меня к побелевшим от времени скалам, высоко вздымавшимся над морем; обычно я приходила сюда, чтобы очистить ум и сердце.

В тусклом сумеречном свете светлячки мерцали, точно праздничные гирлянды, поднимавшиеся к небесам. Из водных глубин на поверхность вырвалась стайка летучих морских коньков. Их светящиеся тельца сияли, как метеоры. Они стремительно пронеслись над морем, нырнули и тут же исчезли. Я закрыла глаза и прислушалась к тихой серенаде волн, ласкавших берег внизу. На моей коже плясали капли морской пены, а в нос бил солоноватый запах брызг.

Если не считать пофыркивающего сихая, который разлегся внизу на камнях и подставлял под вечерние лучи свое гладкое серое тело, я была одна. Дышала свежим воздухом и чувствовала, как постепенно исчезает напряжение в груди.

Вдруг я услышала пронзительный птичий крик. В траве неподалеку я увидела белокрылую крачку. Она хлопала крыльями, расправляла их, но не могла взлететь. Заметив меня, она снова вскрикнула. *Ки-я. Ки-я.*

– Привет. Я тебя не обижу.

Я сунула руку в карман, достала горсть семечек подсолнечника, оставшихся у меня с обеда, и бросила их на песок. Птица поскакала к ним из своего укрытия и съела с такой скоростью, словно ее морили голодом. Правое крыло у нее было порвано, и по нему расплзалась инфекция, я видела оголенные участки воспаленной кожи. Бедняжка больше никогда не взлетит.

Если только я ее не вылечу. Я уже лечила животных, хотя брат предупреждал меня, чтобы я не пела при людях. Это опасно, пока я в том возрасте, когда девочек забирают на состязание, – мой тин-чай может привлечь нежелательное внимание. Никогда не знаешь, кто наблюдает за тобой, особенно сегодня, когда в Каскасию разведчицы нагрянули.

Но сюда никто никогда не приходит. Отборочные испытания начнутся только завтра, а разведчицы сосредоточат внимание на главном побережье, где собрались все девушки. Им незачем приходить на безлюдный пляж.

Птица снова закричала. Я не могла ее бросить.

К тому же это просто невыносимо – скрывать свой дар, когда я могла бы исцелять больных и умирающих. Невыносимо, что приходится оставаться в тени, в то время как Айрика хвастается своим тин-чаем и получает комплименты, хотя от ее магии никому, кроме нее, никакой пользы.

Не прикасаясь к птице, я сконцентрировала свою духовную энергию, свою вис, позволяя ей течь по каналу души, и низким голосом пропела:

*Пусть ребенком мне больше не быть,
Твоя цитра поет в моих снах,
Путь укажет Луна мне в морях,
Грез прядя бесконечную нить.*

Кости срослись, и крачка сразу же расправила крылья. Нижние перья, мягкие и белые, отросли заново, а голая кожа покрылась толстым слоем пуха. Поверх него выросли серые маховые перья. Тусклые водянистые глаза птицы засияли и взглянули ясно. Из ее горла вырвалось жизнерадостное «кип», и крачка с новыми силами взлетела к небесам.

Тишину разорвал залиvistый смех, столь же неожиданный, как раскат грома в безоблачный день. Мое сердце заколотилось так сильно, что удары отдавались в горле.

Вся дрожа, я пригнулась, осторожно подобралась к краю утеса и посмотрела вниз, молясь, чтобы мои надежды сбылись и я не увидела того, чего боялась сильнее всего.

Над вздымающейся волной появились две головы. Сначала мне показалось, что тел у них нет, но потом стали видны плечи и торс, полупрозрачные и гибкие. Это были две женщины средних лет, одна блондинка, а вторая рыжая, на воздухе их тела быстро проявились. Кожа после воды мерцала серебром, вскоре обратившимся в облегающие кипы ярко-синего и желтого цветов. На спине у обеих была вышита эмблема в виде дерева cedar – императорского кедра.

Разведчицы из дворца.

Глава 2

Сердце гулко колотилось в груди. Что разведчицы здесь делают? Они должны быть в деревне, готовить место для испытаний.

Разведчицы подошли к скале и забрались наверх. С той площадки они могли меня заметить, но сейчас их взгляд был прикован к закатному небу. От страха я боялась пошевелиться.

– В этой деревушке много талантливых девушек, – сказала блондинка. – Мне нравится наша новая стратегия. Проще оценить девочек, когда они ведут себя естественно и не знают, что мы за ними наблюдаем. Так можно даже застать врасплох какую-нибудь девочку, скрывающую свой тин-чай.

– Согласна, но такая девочка вряд ли станет сама записываться на испытания, – ответила рыжая. – И не забудь проверять, чтобы в дате рождения ни у кого не было четверок, это дурное число. Нельзя совершить такую ошибку и навлечь на дворец проклятие. Надеюсь, у той танцовщицы нигде нет четверок. Изумительная девочка.

Блондинка пренебрежительно фыркнула.

– Как по мне, ничего особенного. В ней жира больше, чем у йихала. У певицы потенциала больше. Она заставила воду танцевать. Вот *это* уже талант.

– Та девчонка? Кожа да кости, и это я еще молчу, что она верещит, как водная ванпо. Ей прямая дорога в песчинки, будет убирать за файлами ночные горшки.

Блондинка хмыкнула.

– Все равно не нам решать. Вердикт выносит мадам Ясмина.

Она повернулась к насыпи.

– Мадам, кого бы вы выбрали, пухленькую танцовщицу или уверенную в себе статную певицу, которая может заставить воду танцевать?

Я вздрогнула при виде третьей женщины. В своем сером платье она практически слилась с окружающими скалами. Я готова была поклясться, что на том месте, где она лежала, совсем недавно сидел фыркающий сихай. Лениво потянувшись, женщина приподнялась на локтях.

– Тише. От вас обеих слишком много шума. Тут девочка пела наичудеснейшую песню из всех, что я слышала, а вы ее перебили.

Женщина посмотрела туда, где я стояла. Я пригнулась.

– Кажется, звук шел оттуда. Видите кого-нибудь? Милый голосок ничего не значит, если в придачу к нему не идет милая мордашка.

Я натянула на голову капюшон.

Рыжеволосая ткнула в меня пальцем.

– Мадам Ясмина, смотрите. Это, должно быть, она. – Она махнула мне. – Эй ты, слышишь меня? Сними плащ и покажи свое лицо.

Я сделала вид, будто не расслышала, и выпрямилась.

– Стой там, где стоишь. Именем Его Императорского Величества тебе сейчас же прика-
зывается...

Я бросилась бежать, чуть не запнувшись при этом.

– Стой!

Я неслась вниз с холма, прочь от них.

– За ней! Она в синем плаще.

Их крики смешивались с ревом волн. Я не смела обернуться.

Я сорвала плащ, бросила его в песок и, тяжело дыша, продолжала бежать к главному пляжу. Девушки и их мамы все еще были там. В своей черной блузке и белой юбке я смешалась с мамочками в кипах, но разведчицам достаточно заглянуть мне в лицо, чтобы увидеть, насколько я их младше.

Я перешла на шаг и опустила голову, стараясь затеряться в толпе. Позади слышались топот и громкие голоса. Я рискнула оглянуться на разведчиц: блондинка и рыжая подбегали к берегу, но третьей женщины, которая прежде лежала у скалы, с ними не было.

Блондинка обернулась к рыжей.

– Куда она побежала?

Их синяя и желтая кипы выделялись на фоне прочих, да к тому же на них был вышит цедер. Отлично.

Я подошла к девушке, которая отработывала пируэты под руководством своей мамы.

– Смотрите, разве это не разведчицы? – Я указала на приближающихся женщин.

Мама девочки вытаращила глаза, стоило ей только увидеть незнакомок. Она шепнула другой маме с дочкой:

– Они здесь.

Шепот пошел по всему берегу. Нетерпеливые мамы и дочери, жаждущие привлечь к себе внимание, окружили разведчиц. Я медленно отошла подальше, а убедившись, что на меня никто не смотрит, побежала.

Когда я вернулась домой, меня колотило от потрясения. Брат еще не вернулся с работы, а его жена, должно быть, отдыхает – в комнате не горел свет. Они оба на десять лет меня старше и стали мне вторыми родителями, так что предстояло выдержать шквал нотаций.

Я сомневалась, что разведчицы будут за нами шпионить. Может, я сделала глупость, когда вылечила птицу, но я ни о чем не жалела. Зачем думать о том, что уже сделано. Но мне нужно позаботиться о том, чтобы разведчицы не поймали меня во второй раз.

Если сегодня они от всех прятались, то завтра могут поступить точно так же. Я могу скрыть свой тин-чай, но что, если они забирают и девушек-конг? Деревенские тетушки часто судачат, мол, какая жалость, я такая красивая и совсем без магии. Если разведчицы меня увидят, могут решить, что моей красоты достаточно для участия в состязании.

Дворец Цедер, резиденция императора, находится в столице, в городе Сенлин. Это очень далеко – как минимум в трех неделях пути. Я не хотела покидать родную деревню. Хотела остаться со своей семьей, в доме, где я родилась, где все знакомо, уютно и безопасно.

Наш дом состоит из четырех секций, окружающих квадратный дворик. Комнаты моего брата и невестки в восточной части, а моя спальня – напротив, в западной. Над входной дверью висит знак нашего рода, написанный древними символами, которыми когда-то пользовался народ шьян. В сердце двора стоит каменная скамейка, а вокруг расставлены статуи львов и растут яркие коралловые пионы. Пока родители были живы, мы сидели на этой скамейке теплыми летними ночами, любовались звездами и слушали, как мама играет на цитре. Если я уеду, то скорее всего – навсегда.

Нет, я сделаю так, что разведчицы сочтут меня уродиной, если мы снова с ними встретимся.

Я принялась за дело: сначала нужно приготовить тысячелетнюю бобовую пасту с луком и чесноком. Ее не случайно называют тысячелетней: вскоре вся кухня пахла так, словно что-то

гнило и покрывалось плесенью. Я погрузила в это отвратительное варево подол платья, которое собиралась надеть завтра.

В миске я смешала глину, воду и красную краску. Отнесла ее к себе в комнату и из этой застывающей субстанции скатала крошечные шарики. Их я налепила на лицо, и на коже появились фальшивые прыщи и жирные фурункулы.

Ниа, моя невестка, вплыла в мою комнату; вернее, сначала показался ее круглый живот, а потом уже она сама. Мой будущий племянник или племянница мог появиться со дня на день.

– Что ты устроила на кухне? Я уже третью свечку жгу в спальне, чтобы забить вонь. Как, по-твоему, мне готовить ужин?

– Я приготовлю, как только закончу здесь. Прости, если моя стряпня вызвала у тебя тошноту.

Увидев, что я сделала со своим лицом, Ниа скрестила руки на груди.

– Выкладывай.

– Дворцовые разведчицы приехали в деревню, и они слышали мое пение.

– О нет.

Ниа плюхнулась на край кровати. Пружины застонали под ее весом.

– Не волнуйся, – быстро сказала я. – Я сбежала, они не видели моего лица. И я не думаю, что они видели, как я вылечила птицу. Только услышали песню. Я решила подстраховаться и сделать из себя уродину, перед тем как идти завтра на работу.

– Ты не выйдешь из этого дома до тех пор, пока не закончатся испытания и разведчицы не уедут. А пока что я сама поработаю у тетушки Ан.

Ниа попыталась встать, но из-за большого живота ей это было трудно.

– Нет. Ты не можешь сейчас ходить вверх-вниз по утесам. Что, если ребенок решит родиться раньше?

– Значит, мы обе будем сидеть дома. Уверена, тетушка Ан не сильно расстроится.

– Тетушка Ан просто слишком добрая, чтобы кого-то попрекать. Кроме нас, ей больше никому помочь.

Тетушка Ан дружила с моими родителями, а своих детей у нее нет. Много лет назад ее жениха убили во время войны с государством Мийю, и она так и не смогла его забыть. Она бы ни за что не вышла замуж без любви. Тетушка Ан становилась все старше, и если бы не доход от ее ларька на приморском рынке и не наша помощь, она бы сильно нуждалась. Стареющим незамужним женщинам нет места в этой стране.

– Я пообещала, что буду работать у нее, пока ты не сможешь вернуться. Я свое слово не нарушу. – Я посмотрела в зеркало. – Как думаешь, этого достаточно, чтобы отпугнуть разведчиц?

Ниа поморщилась.

– Хм. По-моему, с запахом ты перестаралась. – Обмахиваясь одной рукой, она пристально разглядывала меня. – Мне горько это говорить, но никакая грязь не скроет твои прекрасные карие глаза, не говоря уж обо всем остальном.

Ее взгляд остановился на моей пышной груди. Ниа потянулась к шкафу.

– С глазами я ничего не сделаю, но, думаю, другую проблему решить смогу. – Она протянула мне длинную полоску хлопковой ткани. – Надо спрятать твою грудь. Чем она меньше, тем будет лучше.

Ниа спустила мне платье с плеч и обвязала грудь так, что стало трудно дышать. Ткань впилась в кожу. Я резко вдохнула, и мне показалось, что грудная клетка сейчас разлетится на куски. В легких поселилась острая боль.

– Слишком туго.

Ниа застегнула на мне платье.

– Не скули. Ты сама решила петь в таком месте, где любой мог услышать, теперь терпи. Твой брат тоже захочет поговорить с тобой.

Во дворе послышались шаги и остановились у входной двери. Я услышала голос брата:

– Ты пела на людях?

Ниа отодвинула раздвижную дверь, чтобы впустить его.

– Хуже. Ее слышали разведчицы.

Релл смерил меня взглядом и нахмурился.

– Что у тебя с лицом?

Я пригладила свое платье.

– Маскировка. Разведчицы не успели меня разглядеть, и я хочу, чтобы они точно обошли меня стороной, если наши пути еще раз пересекутся. Я не знала, что в этом году они решили шпионить за девушками еще до начала испытаний.

– Все это очень серьезно, – сказал Релл. – Если они прознают о твоём даре, то заберут тебя.

– Я знаю. Теперь я буду осторожнее.

– Если бы ты действительно понимала, насколько все серьезно, ты бы просто держала рот на замке.

Мне стало не по себе от этих резких слов. Релл редко выходит из себя. Но сейчас он не просто злился. Он боялся.

Ниа ласково посмотрела на Релла, и они понимающе кивнули друг другу.

– Я пойду приберусь на кухне и приготовлю ужин, – сказала Ниа. – Вам надо поговорить.

Вслед за Реллом я прошла в главную часть дома. По вечерам в соответствии с заповедями Небесных Анналов мы всегда шли к камину, зажигали благовония и отдавали дань уважения императору и своим родителям.

На стене висел большой портрет императора Тиррена в прочной дубовой раме, отделанной по краям сусальным золотом. Минуло три лета, с тех пор как император в честь своего сорокалетия подарил по такому портрету всем подданным. Портрет правящего императора должен висеть в каждом доме.

Хоть его лучшие годы уже миновали, возраст не портил лик императора. Несмотря на немного оплывшую фигуру, у него по-прежнему были точеные черты, острые мощные скулы и глубокие задумчивые глаза. Волосы были густыми и не думали выпадать. В знак своей власти император оставлял их длинными и собирал в пучок на макушке; лишь несколько прядей отливали серебром – единственное напоминание о том, что Мудрая Бабушка Время не щадит никого.

Я понимала, почему многие девушки хотят стать наложницами императора, несмотря на его возраст и тот факт, что за его внимание придется соревноваться с другими женщинами. Если бы мои родители не погибли из-за политических решений Тиррена, может, я бы тоже сочла его привлекательным. Даже красивым. Если уж и оказаться в подчинении у мужчины в летах, то пусть лучше это будет император, чем дряхлый беззубый старик.

Но если бы даже я хотела выйти замуж за кого-нибудь из дворцовой аристократии, предпочла бы принца, который был бы ближе мне по возрасту.

Я задумалась, похожи ли сыновья Тиррена на своего отца. Старшие принцы уже должны были достигнуть брачного возраста. Их не смущает, что новые мачехи будут младше их самих? Я никогда не прислушивалась к сплетням о принцах и уже не помню, сколько из них осталось в живых. По-моему, каждые несколько месяцев приходила весть либо о рождении очередного принца, либо о трагической гибели: убит во время охоты, например, или скончался от болезни.

Я по очереди посмотрела на две картины в скромных рамах, висевшие по обе стороны портрета императора. Слева портрет моего папы. Он выглядел совсем как Релл, только постаревший. Его прямые темные волосы были коротко подстрижены и разделены на пробор. На

лице застыла широкая улыбка, а в глубоко посаженных темно-карих глазах (которые я унаследовала) плясали веселые искорки. А справа мама с ее золотистыми глазами и длинными медовыми локонами. Она не улыбается – на портрете мама получилась такой же серьезной, как и в жизни.

Я зажгла ароматическую палочку, подняла над собой. Преклонила голову перед портретами родителей, чтобы почтить их память. От тлеющей палочки исходил запах корицы и ладана, а тонкая струйка дыма поднималась к потолку. Я поставила палочку на подставку перед портретами, Релл сделал то же самое. Затем мы опустились на колени и смотрели, как горят благовония.

Мрачно взглянув на меня, Релл указал на портрет императора.

– Если разведчицы из дворца тебя поймут, заставят служить ему либо в качестве рабыни, либо в качестве файлы. Мы никогда больше не увидимся. Ты хочешь, чтобы тебя постигла такая участь?

– Конечно нет. – Я посмотрела на портреты мамы и папы, и от нахлынувших чувств к глазам подступили слезы. – Мое отвращение к Тиррену так же сильно, как и твое.

– Тогда как ты могла совершить такую глупость и применить тин-чай там, где кто угодно мог тебя увидеть? – Релл хлопнул ладонью по деревянному полу. – Неужели ты начисто позабыла предостережения мамы? Она говорила, что опасно демонстрировать свой тин-чай.

– Она просто боялась, что другие жители деревни осудят меня за то, что я хочу стать целительницей и никто никогда на мне не женится.

– Нет, она прекрасно знала, что если во дворце прознают о твоём даре, то заставят тебя принять участие в состязании, – сказал Релл.

– Я поняла, – ответила я, начиная раздражаться. – Сегодня я совершила ошибку. Этого больше не повторится. Я не буду использовать свой тин-чай, пока не достигну того возраста, когда меня уже не допустят к соревнованиям.

Релл мрачно воззрился на меня.

– Ты и впрямь такая наивная, что воображаешь, будто возраст помешает власти имущим забрать тебя во дворец?

– О чем ты говоришь? – Я нахмурилась. – Закон гласит, что, когда девочке исполняется восемнадцать, она уже не может принимать участие в состязании файл и вольна выходить замуж за того, кого пожелает.

– Император Тиррен ставит себя выше закона. Возраст не помешает, если он захочет заполучить тебя и твой тин-чай, – сказал мой брат. – Вот почему мама так настойчиво просила тебя скрывать его. Однажды она сказала мне, что предпочла бы умереть, чем жить во дворце.

– Мама, должно быть, преувеличила. Откуда ей было знать про жизнь во дворце, если она никогда там не была?

Релл провел рукой по волосам.

– Ты не понимаешь. Она была там. Мама была жемчужинкой на состязании.

От удивления я открыла рот.

– Мама была жемчужинкой?

Почему никто никогда не рассказывал мне об этом? И каким образом ей удалось бежать? Я думала, что всем жемчужинкам запрещено покидать дворец, неважно, выиграли они состязание или нет.

– Она была там, когда на троне еще сидел император Йикан, – ответил Релл.

Отец нынешнего императора.

– Мама увидела, как император Йикан при помощи своего тин-чай превращал файл, песчинок и жемчужинок в терракотовые статуи, если они отвечали отказом на его домогательства.

Я знала, что Йикан был ужасным, жестоким человеком. Женщины его интересовали куда больше, чем четыре провинции в собственном государстве. Он довел страну до нищеты, и многие умерли во время его правления.

– Девушки знали о склонности Йикана к насилию, и ни одна не хотела становиться его файлой. Но их силой привезли во дворец. Мама попыталась сбежать. Ее поймали и бросили в тюрьму, но, на ее счастье, вмешалась принцесса: она велела ей спрятаться в ящике для компоста и помогла сбежать. Мама очень боялась, что разведчицы из дворца найдут ее, и поэтому так и не вернулась к своей семье. Она пришла сюда, в наиболее отдаленную от столицы деревню, и стала жить под другим именем.

Я не сводила глаз с портрета мамы. Какие еще секреты она унесла с собой в могилу? Может быть, мама успела бы все нам поведать, если бы ее не убили.

– Почему она никогда не говорила об этом? – спросила я.

– Ты была слишком маленькой. Я знаю эту историю только потому, что однажды мама и папа поймали меня, когда я их подслушивал, и я уже был достаточно взрослым, чтобы они могли мне все объяснить.

Я снова перевела взгляд на портрет Тиррена. Голову его венчала прямоугольная корона, украшенная двенадцатью нитями нефритовых бусин. В правой руке он держал длинный жезл, Священный Скипетр Цедер. На верхушке жезла была вырезана эмблема Серацедера: дерево цедер, словно в молитве тянущее ветви к Старому Дедушке Небу. Священный Скипетр Цедер символизирует, что Тиррен является наместником Неба и утверждает его Волю; он же усиливает тин-чай императора и позволяет ему повелевать сразу несколькими природными стихиями. Он может призывать огонь и молнию, подчинять себе деревья и землю и даже приказывать ветру и воде.

Тин-чай Тиррена – еще одна причина, почему женщины так хотят попасть к нему в гарем. Но только представить жутко, какое применение он может найти своей магии, если порочностью не уступает отцу.

– Мама оказалась во дворце в то время, когда на троне был Йикан, – сказала я. – Но Старый Дедушка Небо вмешался, лишил Йикана власти и сделал Тиррена наместником Неба. Тиррен, несомненно, относится к жемчужинкам и файлам лучше, чем его отец.

Очевидцы утверждали, что в тот миг, когда Тиррен коснулся скипетра, его тин-чай возрос, а Йикан умер от сердечного приступа.

– Я надеялся, что мне не придется во всех подробностях описывать тебе, какое Тиррен на самом деле чудовище и что твоя мама видела собственными глазами. Я хотел, чтобы у тебя было счастливое детство и ты чувствовала себя в безопасности. Я хотел, чтобы ты и дальше верила, что сможешь стать целительницей, не хотел так сразу разбивать твою мечту. Но я больше не могу защищать тебя от реальности.

– Я знаю, что в нашей семье ненавидят Тиррена, потому что его политика привела к смерти мамы и папы, но почему ты думаешь, что мне и после восемнадцати будет угрожать опасность оказаться во дворце? Почему мне нельзя стать целительницей и использовать на благо свой тин-чай? Тиррен сам установил возрастные ограничения на участие в соревнованиях. Он не станет нарушать правила, которые сам же утвердил. Он не таков, как его отец, по крайней мере в этом отношении.

– Нет. Он еще хуже, – сказал Релл.

– Никто не может быть хуже Йикана. – Именно так меня учили в школе. – Тиррен даже принес извинения за дурные деяния своего отца. Он ратовал за возвращение процветания Серацедера и с уважением относится ко всем своим подданным. К тому же разве Старый Дедушка Небо сделал бы его своим наместником, если бы Тиррен имел злые умыслы?

Взгляд Релла мог бы прожечь дыру в портрете Тиррена.

– Может, в начале своего правления Тиррен и стремился исправить ошибки отца, но он так и не исполнил своих обещаний.

– А как же тот факт, что он расширил границы Серацедера, чтобы у нас было больше ресурсов?

Тиррен завоевал королевство горных жителей Айлоу и королевство духов-оборотней Йоу, эти две расы добывают в своих шахтах золото и драгоценные камни. Они платят дань Тиррену, а наша армия взамен защищает их от вторжений.

Релл презрительно фыркает.

– Тиррен принудил Йоу и Айлоу отдать ему все богатства. У них ничего не осталось. Кроме нас, им никто не угрожает. Они платят Тиррену дань, чтобы наша армия не вырезала их жителей подчистую.

Никогда я не чувствовала себя такой глупой. Мои руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Тогда почему в газетах писали, что все три государства выиграли от этого соглашения и наше благосостояние растет?

– Если ты так легко принимаешь на веру все, что тебе говорят, возможно, я слишком тебя изнежил. – Релл потер виски, словно ему было больно об этом думать. – Разве дворец послал кого-нибудь на помощь, когда шторм обрушился на наш порт? Это было семь лет назад, и Тиррен до сих пор не выделил средств, чтобы заново все отстроить.

– Тогда куда уходят все деньги?

– На нелепые военные кампании Тиррена, разумеется, – ответил Релл. – Если бы он в самом деле заботился о своем народе, то не отправлял бы наших мужчин к островам Мийю на верную смерть.

Здесь я не могла с ним не согласиться. У наших мужчин не было ни единого шанса против мийю, полуженщин-полурыб. Они владеют мощной галлюциногенной магией и, по слухам, происходят от морской богини Ми, но не могут иметь сыновей. Моряки и рыбаки часто рассказывают истории, как женщины мийю заманивают к себе мужчин, чтобы получить от них потомство.

Но папа говорил мне, что мийю никогда не нападали на корабли и не совращали ни одного мужчину, если на них не нападали первыми.

– Тиррену давно бы следовало признать поражение, а не связываться с этими варварами-пиратами.

Релл задержал взгляд на портретах мамы и папы, и его лицо приняло печальное выражение, очень хорошо мне знакомое. Даже Мудрая Бабушка Время не властна над скорбью.

Пираты-наемники предложили Тиррену свои услуги и получили разрешение охотиться на мийю, но помимо этого они разоряют рыбацкие поселения. Пиратов, убивших моих родителей, так и не нашли.

– А еще ходят слухи, что повстанческая группа джайнитов снова строит нам козни, – сказал Релл. – Поговаривают, они подбивают эмберов, чтобы те помогли им свергнуть Тиррена. Их цели мне импонируют, но, боюсь, еще одна война только сильнее разорит наше государство.

Брат закрыл глаза. Меж его бровей залегла морщинка, и он опустил голову. Я знала, что он обращается к нашим родителям, молится им, как и всегда, когда его что-то гнетет.

Когда Релл снова поднял на меня глаза, они блестели от непролитых слез.

– Необходимо, чтобы ты поняла. Ты и подобные тебе, владеющие мощным тин-чай, не должны попасть в лапы Тиррена. Он будет использовать твой дар, чтобы и дальше воплощать свои замыслы по завоеванию мира. С помощью твоего тин-чай он сможет исцелять своих солдат и создать непобедимую армию, которая сокрушит всех противников.

Использовать тин-чай в качестве оружия? Это страшная мысль, мне бы и в голову такое не пришло.

– Но разве Тиррен может быть таким злым?

– Мне известно только то, что говорила мама. В тюрьме вместе с ней оказалась девушка, которую обвинили в убийстве принца. При помощи своего тин-чай она могла плавить людей, как металл. Тиррен пообещал освободить ее, если она поможет ему в борьбе с врагами, но невеста Тиррена, нынешняя императрица Лаймира, упростила его не делать из девочки оружие. Тиррен согласился. Но через день пришел за ней. Он ослепил ее и отдал могущественному аристократу в обмен на верную службу.

У меня перехватило дыхание. Неудивительно, что мама жила в таком страхе. Если Тиррен в то время творил такое зло, то с тех пор он, конечно же, зашел намного дальше. Какие еще изуверства творятся за стенами дворца? А что, если Тиррен узнает о моем тин-чай? Я не хотела становиться его марионеткой.

– Я знаю, что ты мечтаешь стать целительницей, – сказал Релл. – Но сейчас ты в первую очередь должна думать о своей безопасности. Может быть, когда-нибудь я смогу помочь, и тебе не придется ничем рисковать. Иногда нужно проиграть одну битву, чтобы выиграть войну.

Проиграть битву, чтобы выиграть войну.

Папа всегда повторял эту сентенцию, но мне она не нравилась. Папа был уверен, что злые люди рано или поздно получают по заслугам, но по сей день единственное, что мы могли сделать для этого, – оставаться в живых.

«Когда-нибудь все переменится к лучшему» – так папа всегда говорил.

Но как можно выиграть войну, если солдаты отказываются биться? И почему «когда-нибудь» не может настать прямо сейчас? Слова Релла напугали меня, но я не могла прятаться от императора всю жизнь.

– Я знаю, ты боишься, что разведчицы найдут меня, – сказала я. – Но я не могу отказываться от своих обещаний. Тетушке Ан больше некому помогать, у нее нет своей семьи. У нее есть только мы.

Релл немного помедлил и вздохнул. Что ж, на этот мой аргумент ему нечего возразить.

– Если бы не тетушка Ан, я бы запретил тебе выходить из дома. Но пообещай мне: что бы ни случилось, ты больше не будешь использовать свой тин-чай. Оставайся в тени, чтобы тебя не было ни видно, ни слышно. Только так и можно выжить.

Глава 3

Следующим утром, прежде чем выйти из дома, я какое-то время буравила взглядом портрет императора над камином. Я жалела, что не могу рассказать другим девушкам, чем грозит им состязание и какие ужасы моя мама видела во дворце.

Однако Релл предупредил меня и велел не вмешиваться в чужие жизни, а позаботиться в первую очередь о себе. Я понимала, почему он так говорит. Те девушки грезили о том, чтобы стать жемчужинками и выступить на состязании. Они могли подумать, что я хочу убрать конкуренток, и передать разведчицам мои слова об императоре. Я не хотела быть наказанной за то, что пыталась помочь другим. Мне и так проблем хватало: нужно было скрывать от всех свой тин-чай и не попадаться на глаза разведчицам.

Неужели я никогда не смогу использовать тин-чай, не опасаясь, что во дворце прознают об этом и придут за мной? Зачем Старый Дедушка Небо наградил меня таким даром, если мне было бы лучше без него?

Я до сих пор помню то чудесное ощущение, когда я впервые вылечила голубю крыло и узнала о своем тин-чае. Все близкие отнеслись к этому по-разному.

Мама так сурово посмотрела на меня, что я застыла как вкопанная, боясь пошевелиться.

– Ты должна притворяться, что ты конг. Ты поняла меня, Рилла?

– Вот молодчина. – Папа хлопнул себя по бедру и усмехнулся, но, наткнувшись на мрачный взгляд мамы, опомнился. – Я хотел сказать, конечно, тебе следует быть осторожной. Но небеса наградили тебя мощным тин-чаем. Скорее всего, ты черпаешь свою вис из тех каналов, которые не доступны большинству шьян.

– Рилла целительница, как и я. – В ярких глазах мамы отразилось папино волнение. – Наш главный канал – *ха*, канал души. Но ее тин-чай намного сильнее моего. Я с одного взгляда могу определить, чем человек болен, и назначить лекарство, однако Рилла способна в одно мгновение исцелить его.

– Что такое «каналы»? – спросила я, потому что была еще слишком маленькой, чтобы знать такие вещи.

Релл объяснил:

– Существует четыре канала, из которых только народ шьян способен получать энергию, питающую наши уникальные тин-чай. *Дай*, *ха*, *дзи* и *кай*. Тело, душа, ум и сердце. Большинство шьян используют *дай*, канал тела, и самые распространенные тин-чай помогают управлять природными стихиями физического мира.

– Например, я с помощью *дай* и своего тин-чая управляю водной стихией, – сказал папа. – Я могу на долгие часы погружаться в глубины океана и не всплывать, чтобы подышать. Другие используют *дай*, чтобы швырять камни или сгибать деревья. У меня был дальний родственник, у которого основной канал был *дзи*, и с помощью своего тин-чая он мог разговаривать с животными. А твой дедушка подключался к каналу *кай*, который реже прочих бывает доминантным. Он был эмоциональный человек, и температура его тела менялась в зависимости от настроения, которое передавалось всем, кто находился с ним в одном помещении.

– Я читал о некоторых шьян, которые могли использовать энергию сразу из нескольких каналов и тем самым усиливать свой тин-чай, – сказал Релл. – Например, кто-то использует *дай*, чтобы вызывать молнии. Прибавь к этому *дзи*, и тогда этот человек сможет обозначить точное место, куда молния ударит, пусть оно находится хоть в пятистах милях от него. А если он умеет подключаться сразу к *дай*, *дзи*, *ха* и *кай*, то может вызывать природные катастрофы, способные стереть с лица земли нашу деревню.

– Представь, что было бы, если бы наша Рилла умела подключаться к нескольким каналам, – сказал папа. – Ее тин-чай и без того редкий. Интересно, какие у него еще могут быть скрытые особенности.

– Хватит вам обоим, – сказала мама, бросив на папу и Релла сердитый взгляд, и повернулась ко мне. – Твои отец и брат хотели сказать, что есть страшные люди, которые могут навредить тебе, если узнают, что ты умеешь делать. У тебя сильный голос, Рилла, и потому он опасен. Ты должна держать рот на замке.

Я никогда не забывала маминых слов. Когда я пела в школьном хоре, то всегда держала под контролем свой тин-чай. Но то, что сказали папа и брат, заставляло задуматься. Что, если у моего тин-чай имеются скрытые особенности? Потаенные возможности? Может, я смогла бы исцелять тех, кого уже сочли безнадежными. Или управлять стихиями с помощью пения.

Но я никогда этого не узнаю. Потому что я не могу практиковать свой тин-чай без страха оказаться в лапах разведчиц.

Я вздохнула. Сейчас нет смысла думать о скрытых во мне силах. Я должна идти работать.

Я еще раз посмотрела в зеркало, чтобы убедиться, что хорошо загримировалась. Я выглядела отвратительно и пахла точно так же. Замечательно. Теперь разведчицы даже не подумают о том, чтобы выставлять меня на соревнования.

Рассказывают, что когда-то Ми, богиня моря, отправилась к самому горизонту, чтобы соблазнить Старого Дедушку Небо. В качестве наказания Мудрая Бабушка Время заточила Ми на дне океана, и приливы и отливы стали вторить ее дыханию. Но настроение Ми меняется непредсказуемо. Чаще она дышит размеренно, но если злится, от ее криков волны бешено бьются о берег, потопляя все на своем пути.

Я посмотрела на небо, где сияли три Луны. Лавандовая Луна – увидеть ее можно только во время Весеннего Равноденствия – прижалась к небосводу своим круглым ликом. Над ней весело оскалился месяц Белой Луны, а справа висела половинка Бирюзовой Луны, похожая на шляпку гриба.

Увидев, что Луны расположились так далеко друг от друга, я вздохнула свободнее. Нам не пережить второго большого затмения. Семь зим назад Луны сошлись воедино. Шторм, который последовал за этим, уничтожил порт. Мне и моей семье повезло, что мы не были на берегу в тот день. Но не всем удача улыбнулась.

Я шла мимо остатков порта и в какой-то момент закрыла глаза. До сих пор могу представить центр деревни шумным и оживленным, таким, каким он был раньше. Когда я была маленькой, сотни рыбацких лодок выстраивались вдоль пирса. Издалека доносились свистки и рев рожков. Лодки скользили туда-сюда, одни возвращались, другие отправлялись в плавание.

Рынок в те времена пах рыбой и морем – такой сильный, соленый, приятный и знакомый запах, папа всегда приносил его с собой, когда возвращался домой после погружений в глубины океана. С одной стороны на меня веяло свежее испеченным хлебом с буковыми орешками и бутербродами с мягким сыром. А с другой – жареными креветками и черными кораллами, которые поливают перебродившим соусом чили и жарят над костром на шампурах.

Купцы старались как можно выгоднее продать свои товары. Курицы, несущие золотистые яйца, бродили всюду, где им хотелось. Наверху на веревках были подвешены клетки со сверчками, которые приносят удачу, и птицами, которые плюются огнем. Тюки лучших тканей и шелка, сотканного из звездных лучей, лежали прямо на столах, чтобы покупательницы могли их потрогать, а над повозками с едой висели ярко-красные светильники в форме танцующих кайгонов.

Громкоголосый торговец игрушками пытался привлечь мое внимание.

– Мисс, хотите купите маокота, талисман на удачу? Он будет махать вам лапкой. Никакой магии. Новейшая поставка из Эмбервуда.

У него в лотке были самые разные игрушки и яркие побрякушки, но фигурка маокота понравилась мне больше всего. Я приходила в восторг при мысли, что кто-то сумел создать такую чудесную игрушку без всякой магии. Она махала передней лапкой как будто в знак приветствия.

Мне никогда не удавалось задержаться на одном месте. Покупатели сновали повсюду и толкали друг друга, стараясь первыми урвать лучшие товары и самые свежие куски мяса. Они налетали на меня – маленькую восьмилетнюю девочку, мне приходилось быстро идти вперед и искать лазейки, куда можно юркнуть, пока меня не раздавили. Я металась в этом потоке людей, пролезала под потными подмышками, перепрыгивала через колеса повозок с едой, обходила рыбаков и корабейников, которые торговались с покупателями.

Я моргнула и вернулась в настоящее. Всего этого больше нет. Рыбаки и купцы, женщины и дети – всех утащило в море, никто не выплыл на поверхность. Спустя несколько дней на берег, вдобавок к тому, что осталось от оживленного рынка, выбросило деревянные обломки, трупы животных и осколки стекла.

Сейчас на месте прежнего порта можно было увидеть только три потрепанных ялика, привязанных к деревянным шестам размочаленными канатами. Они качались вперед-назад, потерянные души, которым все равно, куда волны бросят их пустую скорлупку. Кое-где попадались истрепавшиеся палатки. Изнуренные тяжким трудом женщины пытались продать свой жалкий товар. От долго пребывания на солнце они загорели, их кожа стала шершавой и грубой, точно чешуя, а лица из-за бесконечной тревоги избороздили морщины. Миновали те дни, когда воздух был пропитан сочным запахом жареного угря и маринованных креветок. Теперь ото-всюду несет тухлой рыбой – казалось, вонь витает над побережьем, точно призрак. За последние семь лет не случилось ничего, что могло бы исправить это бедствие. Мой брат прав. Очередное свидетельство того, что императору не удалось сделать жизнь простого народа лучше.

Некоторые женщины провожали меня взглядом и хмурились. Одна зажала нос и отшатнулась, когда я прошла мимо. Маскировочный запах меня не подводил.

Я подошла к маленькой палатке тетушки Ан и вдохнула свежий аромат моря и соли. В лотке лежали ребристые раковины, конусообразные и спиралевидные. По центру стояла чаша с морской водой.

– Рилла, это ты? – Тетушка Ан улыбнулась яркой и теплой улыбкой. Ее загорелое лицо блестело от пота, в уголках рта залегли глубокие морщинки. От улыбки на щеках появились ямочки.

Я низко поклонилась в знак приветствия.

– Доброе утро, тетушка.

– Я тебя не сразу узнала. Ты выглядишь и пахнешь довольно... – Она помолчала, и уголки ее рта поползли вверх. – Необычно.

– Приходится быть осторожной. Я не хочу, чтобы меня заметили разведчицы.

– А, понимаю. – Она склонила голову.

Я ударила себя по лбу.

– Тетушка, простите меня. Я надеюсь, что не распугаю покупателей.

– Не волнуйся. Думаю, покупателям в первую очередь будет интересен товар, а не то, как ты выглядишь.

С громким жужжанием к ней подлетел голдфанг, его крошечное черно-золотистое тельце зависло над головой тетушки Ан. Поморщившись, она отмахнулась от насекомого.

– Вредные создания. Смотри, чтобы тебя не укусили. Я знаю, что ядовитые среди них редко встречаются, но в детстве я чуть не умерла от укуса.

– Просто не обращайте внимания. Тогда он, скорее всего, улетит.

– Да, а у нас сегодня слишком много работы, чтобы беспокоиться из-за всяких голдфангов. – Тетушка Ан лучезарно улыбнулась, сверкнув белыми зубами, и указала на лоток. – Смотри, какие сокровища принесло сегодня море. Разве они не прелестны?

Океан преподносил тетушке Ан подарки всякий раз, когда она заходила в воду. Все, что волны дарили ей, она продавала, в том числе чистую морскую соль, морепродукты и жемчуг.

Сегодня у нее были раковины.

– Ракушки приносят удачу, – сказала она. – Амулеты для юных дев, которые хотят успешно выйти замуж.

Или стать файлами. Эти слова замерли у меня на кончике языка.

– А теперь, – сказала тетушка Ан, – я буду показывать товар, а ты веди расчеты.

И она начала зазывать покупателей.

– Морские раковины по низким ценам! Разбирайте счастливые ракушки и не забудьте прочесть молитву. Старый Дедушка Небо точно исполнит ваши желания.

Покупатели слетались к лотку, я только успевала забирать деньги. Вьющийся у лотка голдфанг сел на монету в один серан. Я прогнала его взмахом руки. Вот же вредитель.

Тридцатилетний холостяк набрал сразу несколько раковин: белую ребристую двустороннюю, пыльно-желтую конусообразную и тускло-оранжевую в форме уха. Одна женщина вскинула руки вверх и обратила к небу взгляд покрасневших глаз.

– Пожалуйста, пусть этот год станет годом моей свадьбы. Я не хочу умереть одинокой и всеми покинутой. Без мужа, без детей, без чести.

Она упала на колени и вытянулась на песке. Все тот же голдфанг теперь летал у нее над головой, но женщина не обращала на него никакого внимания. Она выпрямилась и снова упала лицом вниз, и так несколько раз, пока не ободрала себе лоб в кровь. Закончив молиться, она подошла к чаше с морской водой. Женщина обмыла раковины и, не вытирая, положила их в лиф платья.

Рядом с ней собралась стайка девочек лет тринадцати, они долго осматривали ракушки, прежде чем определиться с выбором.

Одна девочка склонилась в молитве.

– Мама говорит, что я краса семьи и последняя надежда. Я знаю, что мой долг – любить свою семью и служить ей. Помогите мне стать файлой Его Превосходительства императора Тиррена, тогда я принесу своей семье богатство и почет.

– Мой папа говорит, что надо либо выдать меня замуж, либо продать кому-нибудь, если разведчицы не выберут меня к шестнадцатому дню рождения, – сказала ее подруга. Она окропила водой свою ракушку и пропела молитвы, которые мы учили в школе. – Ниспошли мне смелости принести необходимые жертвы, хоть мое непокорное сердце порой противится этому. Награди меня смирением беспрекословно служить тем, кто обременен высшей властью, в особенности Его Досточтимому Величеству, императору Тиррену.

Эти просьбы меня совсем не удивляли. Долг и почтение к старшим – вот главные добродетели в этой жизни. Даже если во имя их придется пожертвовать собственным счастьем.

Раковины пользовались спросом, и уже к полудню мы неплохо заработали.

Тетушка Ан повернулась ко мне.

– Что ж, Рилла, сегодня можно закрыться рано. Вряд ли у нас будут еще покупатели. –

Она подняла взгляд к затянувшемуся облаками небу. – В наши дни достаточно одного намека на дождь, чтобы люди держались подальше от порта.

Она поморщилась и наклонилась помассировать лодыжку.

– Вы в порядке? – спросила я.

– Думаю, да. Мне часто сводит ногу, и я ничего не могу с этим поделать. Полагаю, это все из-за возраста.

– Если вам потребуются лекарства, заходите к нам и спросите у Релла.

Я помахала ей на прощание.

Как же я вымоталась. Пора домой.

Шаткий мостик через пролив соединял территорию рынка и пляж. Поверхность воды была гладкой и чистой, как стекло. Вода покрывала красные камни у подножия моста. Я провела пальцами по солоноватой пене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.